

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

Безсмертіе и жизнь.

(Окончаніе. См. № 8 А. Е. Вѣд.).

Допустимъ, что человѣкъ призналъ разумомъ истину буддйской догмы и разувѣрившагося въ себя самомъ человѣчества; но въ тоже время онъ чувствуетъ, что ему ужасно хочется жить и бесконечно странно умирать. Вотъ это-то противорѣчіе и наталкиваетъ человѣка на мысль, что допусти онъ христіанское разумнѣе жизни, то вся жизнь для него освѣтится разумнымъ свѣтомъ, такъ что все темное и непонятное сдѣлается и яснымъ и понятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ жить? во имя чего нужно любить людей, нужно отрестаться отъ самого себя? Чѣмъ мотивируется подобный поступокъ? Единственно мыслию о безсмертіи, руководящею всею жизнью человѣка. Пусть люди въ настоящемъ состояніи и не понимаютъ многого изъ того, что дѣлается передъ ихъ глазами, но они могутъ жить надеждою, что настанетъ часъ и многое уяснится для нихъ. Даже, если вся дѣятельность человѣка приносить ему только одно сплошное страданіе, то онъ все таки можетъ удовлетвориться тѣмъ сознаніемъ, что не только его често разумная личность получить должное, но и его чувственная личность путемъ страданій, какъ гнойная язва путемъ разрѣза, очистится отъ всякой скверны, одухотворится и будетъ уже внѣ всякихъ страданій, такъ какъ человѣку-христіанину обѣцано полное возстановленіе всего существа его въ воскресеніи отъ мертвыхъ. Здѣсь его страданія не являются безсмысленными, а обоснованными, имѣющими подготовительное значеніе. Они необходимы именно потому, что послѣ грѣхопаденія человѣка „весь міръ во злѣ лежитъ“, и „людямъ издѣтства прилежитъ помышленіе на злое“, такъ что только путемъ страданія, самоотверженія, велическаго лишенія, несенія креста, добровольнаго послѣдованія за Христомъ, человѣкъ приготовляетъ себя для вѣчной разумной жизни въ Божьемъ царствѣ свѣта и истины. При такомъ сознаніи человѣкъ, къ самымъ ужаснымъ несчастіямъ и скорбямъ, зная, что все,

все будутъ примирено и покрыто въ жизни будущей, если только онъ пожелаетъ и позаботится уничтожить причину страданій—грѣховную отчужденность отъ Бога,—можетъ относиться вполне равнодушно. Если въ жизненной борьбѣ нельзя усладить горькую чашу страданій резервомъ о томъ, что существуетъ въ мірѣ прогрессъ, то знаніе о существованіи иного вѣдмрнаго, въ мірѣ непроявляющагося въ полнотѣ, закона, закона, исходящаго не отъ міра сего, вполне можетъ послужить якоремъ спасенія. Следовательно, что-бы выдержать жизненную борьбу и остаться нравственно-честнымъ, тамъ, гдѣ злое начало является одолавающимъ, необходимо имѣть особенныя вѣдмрныя вѣрованія и надежды, что мы «не имѣемъ здѣсь постоянного града, но ищемъ будущаго». (Евр. 13, 14). При свѣтѣ-же вѣры въ безсмертіе житейское море не заволанивается густыми, непроглядными туманами, почему человѣкъ вѣрующій не изнеможетъ, не падетъ подъ бременемъ скорбей своихъ, не сдѣлается жертвою своего безумія, но съ крѣпкою надеждою на скорую помощь обратится къ Отцу Небесному, прося у Него заступленія.

Если человѣкъ—христіанинъ умираетъ отъ хроническаго голоданія и замерзаетъ отъ холода въ подвалѣ, чердакѣ, гдѣ нибудь подъ мостомъ, или, все равно, на оживленной улицѣ, гдѣ изъ оконъ блестящихъ магазиновъ льются потоки электрическаго свѣта, а мимо мчатся взадъ и впередъ роскошныя кареты съ разряженными дамами и мужчинами, то утѣшаетъ его въ эту горькую минуту не сознаніе благи цивилизаціи или размысленіе о ея будущихъ еще большихъ успѣхахъ, а лишь одна глубокая вѣра и твердая надежда на Бога: „Ты, милосердый, шепчешь его бездыханныя уста, воздашь каждому по дѣламъ его“. Поэтъ прекрасно характеризуетъ подобное состояніе, вознося къ Богу фиміамъ человеческой мысли:

Измученъ жизни битвою,

Усталъ я, Боже мой!

Но все съ одной молитвой

Являюсь предъ тобой:

Ты путь покрывъ мнѣ терніей,

Даль крестъ на томъ пути—

Дай спяль его, Создатель мой.

До гроба донести...

Ты чашу даль мнѣ горькую,

...Но силы дай—до дна ее дойти...
И въ трудный часъ борьбы его житейской,
Онъ во время придетъ его снасти,
И будетъ Самъ ему Онъ Сумонъ Киринейскій,
И тяжкій жизни крестъ поможетъ донести.

Вотъ наглядный примѣръ. Встревоженная, озабоченная, согбенная отъ горя мать сидитъ у постели умирающаго ребенка. Она видитъ его исхудалыя черты, прислушивается къ прерывистому дыханію, и съ страшною душевною болью убѣждается, что съ каждымъ часомъ жизненные силы ребенка убываютъ все болѣе. Въ глубоко-скорбномъ состояніи она поднимаетъ глаза къ образу съ теплищейся лампадкой въ углу, бросается на колѣни и съ плачемъ умоляетъ Бога: да мимо идетъ отъ нея горькая чаша. Скажите этой женщинѣ: неразумная! чего жъ ты молишься? Все въ природѣ совершается по вѣчнымъ жизненнымъ законамъ—все происходитъ, какъ неминуемо должно происходить. Женщина покачаетъ тяжелою отъ слезъ головою и отвѣтитъ: правда, такъ *должно* совершиться... но... и у всемогущаго Бога,—милосердаго для насъ Отца—все возможно.

Неложно ея уюваніе! Забудетъ-ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалѣть сына чрева своего—но, если бы и она забыла, то я не забуду тебя, говорилъ Господь.

Материнская любовь представляетъ высшую форму любви на землѣ. любви вѣрной, глубокой, сильной, живой и всеобъемлющей. Она выше любви друга, котораго любовь хотя и готова на жертвы, но взаимно сама ожидаетъ дружескиихъ услугъ. Но материнская любовь хочетъ только давать, и все счастье ее въ самопожертвованіи. Мать всегда узнается по любви ея къ своимъ дѣтямъ, подобно тому какъ узналъ истинную мать и Соломонъ; это потому, что никакая любовь не похожа на материнскую, никакая любовь не можетъ быть такъ сильна, такъ всецѣла, такъ не усыпна, такъ преданна и способна на жертвы. Вотъ почему материнская любовь служитъ изображеніемъ высшей любви, любви Божіей къ людямъ. Понятно поэтому, что даже въ самыя тяжелыя минуты для человѣка—въ минуты душевнаго разлада, „когда душа болитъ разочарованіемъ жизни, сомнѣніями, тоскою, высказывается ропотомъ, когда ядъ отчаянія начинаетъ проникать въ душу человѣка и угрожаетъ ему смертію вдвойнѣ—и нравственною и физической“, даже и тогда вѣра

въ безсмертіе облегчаетъ жестокое бремя непоносимыхъ человѣческихъ страданій и вновь наполняетъ сердце человѣка внутреннею силою къ мужественному перенесенію ихъ. Въ самыхъ глубочайшихъ несчастіяхъ жизнь при этой вѣрѣ человѣка находятъ полную осмысленность страданій. Этотъ смыслъ указанъ поэтомъ:

«Не говори, что нѣтъ спасенія,
Что ты въ печаляхъ изнемогъ;
Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды,
Чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ».

Истинный христіанинъ знаетъ, что онъ долженъ жить „по Божески“, хотя бы ему и пришлось жестоко страдать, жить за тѣмъ, что бы приготовить себя къ новой жизни, что-бы быть достойнымъ ея, такъ какъ онъ предназначенъ быть гражданиномъ неба, сыномъ и наследникомъ блаженнаго безсмертія, долженъ быть, по обѣтованію Христа, „едино съ Богомъ“ (Іоан. 17, 21). И потому онъ *не только долженъ жить, но любить жизнь*, хотя-бы одни бѣдствія и несчастія предлежали ему здѣсь, любить потому, что она есть урочное для него время, въ которое онъ долженъ раскрыть и образовать сокрытыя въ душѣ его безсмертныя силы, сообразно тому высокому назначенію, для котораго Іисусъ Христосъ призвалъ его въ царство своей благодати.

Слѣдовательно, во всѣхъ жизненныхъ тревоженіяхъ и сомнѣніяхъ, когда у отрицателя идеи безсмертія „надрывается сердце отъ муки, плохо вѣрится въ силу добра“, у христіанина — твердое сознаніе, что надъ всею мірею грязью, надъ постояннымъ видимымъ торжествомъ неправды и посмѣянія добра, возвышается нѣкій высшій смыслъ, управляющій событіями жизни человѣческой.

И потому, пусть поспѣваетъ молодая жизнь, не успѣвая еще отцвѣсти и принести плодъ свой, пусть блеснетъ она, какъ лучъ вечерней зарницы, и также скоро погаснетъ! Что для разума покрыто завѣсой непроницаемаго мрака и кажется страшнымъ, холоднымъ, гдѣ вѣнецъ творенія дѣлается добычею могильныхъ червей, то для вѣры есть созерцаніе чудной перспективы пребыванія въ лонѣ вѣчной Любви, гдѣ все люди братья встрѣтятся въ лонѣ ихъ небеснаго Отца. Когда-же это случится, тогда „исполнится слово написанное: пожерта бысть смерть побѣдою. Гдѣ твое, смерть, жало? Гдѣ адъ, твой, трофей? „Тогда будетъ у Бога великій праздникъ; у праведныхъ людей и ангеловъ великое

ликованіе; тогда настанетъ на небѣ вѣчная весна и христіанскія кладбища дадутъ для неба вѣчно-юную, вѣчно-зеленѣющую, вѣчно-цвѣтущую и развивающуюся растительность“ Такъ-что въ каждомъ умершемъ человѣкѣ—будетъ-ли то другъ, мать, сестра, жена—христіанинъ видитъ зрѣмый колѣсъ на пивѣ Господней и Господь посылаетъ жателей Своихъ, что бы они взяли его въ житницу Свою, гдѣ его „ждетъ не сонъ вѣковой, а мѣръ благодатно-прекрасный“. И если Всеблаговому Промыслу угодно, что-бы человѣкъ въ часъ смертный разлучался съ любимыми до новаго свиданія, то даже самая грусть его растворяется отрадой небесной и онъ способенъ исполнѣ сознательно „трудиться, бороться и ждать, пока не наступятъ свиданіе“.

Простите, г-да, не помню—гдѣ-то, какъ-то, читалъ одно стихотвореніе... Смысль его слѣдующій: Кладбище... Все тихо. Лишь на одной могилкѣ рыдаетъ бездыханно мать... Въ холодной землѣ глубоко зарытъ ея дорогой мальчикъ. Слезы льются ручьемъ. Безпросвѣтная тьма сжимаетъ грудь.... Милый мой! зачѣмъ ты оставилъ меня? И вдругъ изъ могилки раздаея дѣтскій голосокъ: мама! до свиданія!

Свящ. Вас. Соколевскій.

Изъ дневника священника.

Кто станетъ отрицать теперь тотъ неоспоримый фактъ, что жизнь наша измѣнилась, увы, до неузнаваемости къ худшему... Всюду слышишь вопль людской на тяжесть жизненнаго креста: ужасные неурожаи, схватившіе громадныя раіоны нашей родины, бури, наводненія, землетрясенія, эпидемическія болѣзни, а нынѣ—«чума» въ предѣлахъ Астраханской епархіи и пр. и пр.

Можно ли перечислить всѣ бичи, которыми Правосудіе Божіе караеъ насъ—грѣшныхъ, видимо призывая къ покаянію?

Сердце всякаго, еще духовно-живого человѣка, не можетъ не содрогнуться при видѣ цѣлой серіи такихъ необычайныхъ бѣдствій, время отъ времени, подобно грозной лавѣ, то тамъ, то здѣсь, обрушивающихся на близкихъ намъ по вѣрѣ—братьевъ.